

СОВРЕМЕННОИКИ И КЛАССИКИ

СОВРЕМЕННОИКИ И КЛАССИКИ

Людмила Ив

**Петербургские
романтические новеллы**

Москва

Интернациональный Союз писателей

2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
И17

Продюсер проекта Елена Наливина

Ив, Людмила

И17 Петербургские романтические новеллы / Л. Ив. — Москва: Интернациональный Союз писателей, 2024. — 200 с. (Современники и классики).

ISBN 978-5-6052036-9-8

В новеллах Людмилы Ив сплелись воедино реальность и мистика, прошлое и настоящее Петербурга, его загадки и откровения.

Автор предлагает читателю погрузиться в романтическую атмосферу Северной столицы, пережить вместе с героями невидимые драмы и неожиданные радости.

Книга «Петербургские романтические новеллы» — приглашение на прогулку по маршрутам судеб самых разных людей. Их жизненные истории становятся частью современного петербургского пейзажа и находят отражение в новой мифологии города.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6052036-9-8

© Людмила Ив, 2024

© Интернациональный Союз писателей, 2024

Петербургские романтические новеллы

Почтовая принцесса

Был первый день зимы. Ветер, не до конца освободившийся от осенней хандры, то уныло вздыхал поверх вечерних фонарей, сбивая лёгкий ритм падающего снега, то едва слышно шуршал обнажёнными ветками деревьев и кустов. Но вдруг ни с того ни с сего сорвался, взвизгнув как оглашенный, и так же внезапно стих, уснул, растянувшись по льду Фонтанки. В это самое время герой нашего рассказа, студент, полгода назад приехавший из небольшого городка под Екатеринбургом, спешил на почту за бандеролью...

Здесь автор, как говорится, обмакнув перо в чернильницу, задумался. Тёмно-фиолетовая капля угрожающе повисла над листом. А что, если читатель не поверит в то, что всё произошедшее с героем — истинная правда, и скажет: «Нет, такого никак не могло быть, это чистой воды вымысел!»? Тогда не лучше ли будет просто взять и повторить за главным героем его историю и не мудрствуя лукаво отдать на суд читающей публики?! Пожалуй, именно так автор и поступит, пока на листе нет ещё ни одной кляксы.

Итак, вот эта история, приключившаяся с нашим героем, рассказанная им самим и пересказанная автором...

Я стоял в очереди вот уже минут десять, изнурённый спёртым воздухом тоскливого ожидания. То и дело гремели входные двери, зудел ксерокс, жужжали кассовые аппараты, бесшумно прилипали к конвертам марки. Голоса сливались в беспорядочный поток отдельных звуков, как в симфоническом оркестре, где каждый настраивает свой инструмент. Мой взгляд лениво перемещался от точки к точке, обрамляя части существующего пространства в геометрические фигуры, и вот уже всё вокруг было успешно поделено на зоны, весь этот мир тружеников и страждущих состоял из десятков различных форм. Формы, как в калейдоскопе, цепляясь неровными краями, создавали иллюзию новых, ещё более невозможных и странных, форм, у которых не было ни конца ни края.

Спустя ещё несколько томительных минут в игре времени и мысли мне показалось, что я начинаю сходить с ума: засыпаю и вижу люминесцирующие в ночи длинные коридоры незнакомых улиц, дома с полками вместо окон, маленькие пирамиды сугробов вдоль асфальтовых плитусов, под ногами схрущивается, а на языке тает пористый снег, как шоколадная плитка «Воздушный» производства фабрики «Покров». Вдоль плотно утрамбованного сугроба тянется ряд голов и плеч, ушей, шапок, платков, а ближе всех — лисий воротник вокруг лошадиной шеи и уши с гранатовыми ядрышками в золотой оправе. На фоне многополочных окон, заставленных иллюстративной рассадой для огородников, витает надпись «отдел доставки». На краю балкона блестит золотое со стразом кольцо, ввинченное в балюстраду, словно гайка в водосточный болт.

Мой любопытствующий глаз плотнее примкнул к свёрнутому в трубочку журналу. В бумажном объективе из клубов белого дыма громоздились одни за другими красочные

обложки, календари и открытки. От скуки я усерднее прижал глаз к волшебному окуляру и, словно капитан, наблюдал за меняющимся горизонтом. Но вдруг среди всей этой суеты и какофонии передо мной возникло прекрасное видение — девушка с ангельским выражением лица, а все эти головы, плечи и воротники каждую минуту что-то громко и нетерпеливо от неё требовали.

Очарованный, я стал наблюдать за девушкой. Как пылкий сарацин-завоеватель, я не сводил с неё глаз, что становилось неудобством даже для меня. Тогда я стал хитрить, периодически изучать канцелярию, усыпанную ценниками. Один раз только скользнула она взглядом вдоль очереди, задев край моего плеча. Её выразительные глаза были одинаково приветливы ко всем. Но я был рад, почти счастлив и испытал невероятное удовольствие от стояния в очереди. Справа от её локтя лежали белоснежные конверты, ровные, идеальные, как упаковки с таблетками в медицинском кабинете. Мой взгляд поплыл по её рукам. Это были руки пианистки, изящные, с тонкими запястьями. С какой томительной нежностью открывали они согнутые квитанции, извещения, переводы; пальцы легко и быстро касались клавиатуры, словно исполняли магический танец древних инков. Я представил себе нежную тихоокеанскую ночь, шелест пальм, одинокие всплески солёной воды о прибрежные камни и эту девушку, доверившую мне свои тёплые руки, которые я слегка пожимал в своих ладонях, поглаживая некольцованный безымянный палец.

Девушка ни разу не улыбнулась, только глаза, большие, жгучие, с пушистыми ресницами, выражали глубину её сильного характера. Я был уверен, что у неё сильный характер, так как она смотрела прямо и убедительно. Милая девушка! Нет, ну до чего же она милая! Я чувствовал, что тайна

коснулась моих щёк. Когда происходило что-то непременно важное и удивительное, я всегда думал: почему это произошло только сейчас?! Вот и теперь мне хотелось воскликнуть: почему мы не встретились раньше, прекрасная незнакомка?

И — о, счастье! — когда передо мной оставалось два человека, она меня заметила. Нельзя было не заметить моего настойчивого, буравящего ордынского ока, даже с теми короткими отбегами в близлежащие степи оконных проёмов и телефонных будок для разговоров по межгороду. Мне даже показалось, что она не просто бросила на меня свой лёгкий взгляд, но и отметила что-то про себя, робко опустив ресницы. Это придало мне уверенности. До чего же она милая, вновь с восторгом подумал я и как во сне чиркнул на квитанции: «Принцесса! Вы сегодня после работы свободны?». Её ресницы, как мне показалось, дрогнули, опустились, накрыв мой гордый мятежный бриг тёплой волной Карибского моря, а глаза вспыхнули над ним яркой путеводной звездой, от которой невозможно скрыться, ибо это была судьба, фатум, лучшая история ветра странствий.

И тут я услышал её голос. До этого, наверно, мои уши были залиты воском или я был привязан к мачте своего корабля¹, ничего, кроме будничной суеты, не воспринимал и только сейчас услышал эту величавую гармонию космоса, прикоснулся к божественной музыке души и сердца в её звуковом разрешении. Я уже был готов погибнуть в диком порыве своеволия, ринувшись к той, что дивно пышет ресницами на пятой небесной сфере мирового веретена богини

¹ В «Одиссее» Гомера волшебница Цирцея советует Одиссею при приближении к острову сирен заткнуть уши воском или привязать себя к мачте, чтобы не погибнуть. Сирены в греческой мифологии — полуптицы-полуженщины; услышав их божественное пение, моряки бросались с кораблей в воду и погибали.

Ананке², но меня грубо, словно ростр враждебного судна, подрезал каракулевый локоть.

— Вот я так вас и пропущу... Очередь, молодой человек.

Но я жаждал слышать только голос моей сирены, и никого более.

— Вот здесь... Край, пожалуйста, не заполняйте: Петербург не является ни областью, ни краем, ни республикой.

Да, очарованно думал я, странное место.

Между нами оставался один человек, но мне было не страшно: ведь я проделал долгий путь, а за это время отполировал доспехи и наточил клинок, чтобы во всеоружии и красе предстать перед Прекрасной Дамой. Я передал своё извещение в её тёплую правую руку, даже успев нахально коснуться безымянного пальца. Она внимательно посмотрела на извещение, потом на меня. Я был горд, искренен и честен, как на вступительном экзамене полгода назад. Она прочла моё послание и улыбнулась, но почему-то улыбка у неё вышла какая-то слабая, с грустью. Уловив эту тонкую зацепку, я уже не мог отступить.

Она встала, чтобы принести мне бандероль. Моя принцесса с грустной улыбкой встала, чтобы принести мне то, зачем я сюда пришёл. Она встала... Дальше всё произошло для меня как в тумане.

Она удалялась, тяжело ставя перед собой правую ногу, а левую неуклюже подволакивала. Некрасиво хромая, она тем не менее передвигалась быстро, очевидно, привыкнув к недугу ещё с детства. Слышно было, как отличается шаг,

² В древнегреческой мифологии Ананке — божество неизбежности, судьбы и предопределённости свыше. У Платона в десятой книге «Государство» между колен Ананке вращает веретено — мировую ось Вселенной, направляя с помощью нити времени движение небесных сфер. На каждом из кругов веретена восседает по сирене, которые своим пением создают гармонию космоса.

сделанный правой ногой, как будто ставят штамп за штампом на ценной бандероли.

С ужасом смотрел я ей вслед. Волшебный мир поплыл, геометрические фигуры рассыпались по полу, рани острыми осколками плечи, подрезая запястья, жаля колени. Я был удивлён, скажу больше — потрясён хромотой моего идеального создания и не мог вынести столь резкого контраста. Мне вдруг стало стыдно, что я был восхищён инвалидкой. Да, впечатление от красоты девушки было равным по своей силе с впечатлением от её увечья. Это я начал ощущать, стоя на крыльце почты, я ушёл, сбежал — что кривить душой, но почтовую принцессу не мог забыть ни в тот день, ни через год, никогда.

Февраль 2017